

VI. Сказки А. И. Блѣдныхъ.

Андрей Ивановичъ Блѣдныхъ — уроженецъ и житель деревни Гостѣвской, Котельническаго уѣзда. „Николаевскій солдатъ“, 25 лѣтъ проведенный въ военной службѣ, Блѣдныхъ теперь 60-лѣтній старикъ, но еще бодрый и крѣпкій. Сказочный репертуаръ его довольно богатый. Сказки выслушаны имъ главнымъ образомъ во время военной службы и только немногія — позднѣе, во время ночевокъ на мельницахъ и т. п. Мною записаны всѣ тѣ сказки, которыя Блѣдныхъ помнитъ теперь.

Говоръ, которымъ Блѣдныхъ рассказывалъ мнѣ свои сказки, разнится отъ мѣстнаго; я замѣтилъ, что въ разговорахъ со мною Блѣдныхъ старался говорить не по-мѣстному.

39. [Оборотень].

1. Прежде было, вотъ видишь ты; такъ на *одновѣрктѣ* жили два жителя. Потомъ сдѣлалась *зарѣза*, народъ примеръ. Въ одномъ дому осталась *матка* съ дочерью, а въ другомъ дому остался мальчикъ. А жили очень прожитошно (богато).

Етотъ мальчикъ сталъ въ совершенные годѣ выростать. У женьшины дочка стала выростать въ совершенные годѣ. Приходитъ ето мать къ мальчику: „Ахъ,—говорить:—тебѣ надо женичья!“ говоритъ.—„Да я,—говорить:—сирота; кто за меня пойдѣтъ?“—„Да кто,—говорить:—пойдѣтъ? Я,—говорить:—и то могу дочку отдать“.—„А, тѣтка,—говорить:—што ты надо мной смѣешься?“ говоритъ. — Та говоритъ: „у тебя житьѣ не *изрѣнено* и у меня, будѣмъ жить хорошо“.

2. Потомъ на етой на дѣвушкѣ женился етотъ мальчикъ. И живутъ онѣ годъ, и два, и три. Потомъ ета дѣвушка здѣлалась утробой больна и *пичкаетъ* свою утробу. А мать ей и говоритъ: „Што ты,—говорить:—дѣффка, пичкашъ

свою утробу? Можетъ быть у тебя *мальчикъ* зарождается?“— „Третей годъ,—говорить:—мы и грѣха не знаемъ“.— „Што ты 'здоръ мелѣшь? Какъ,—говорить:—такъ: третей годъ живите, грѣха не знаите?... Ты,—говорить:—не по любушкамъ ли ходишь?“— „Што ты,—говорить:—старуха, 'здоръ мелѣшь?—твое ли дѣло въ евтомъ дѣлѣ?! Старухи,—говорить:—Богу моляцца, а тебѣ дурные идутъ дѣла на умъ!“— Такъ, слово за слово, и россóрились зять съ тѣшшой.

3. А тѣшша была вѣдьма.— „Ахъ ты,—говорить:—какой мальчишко! сталъ оспаривать меня!“—Топнула ногой: „Не быть тебѣ,—говорить:—молощомъ, быть тебѣ,—говорить:—пѣстрымъ кобелѣмъ!“—Вотъ такъ онъ сдѣлался кобелѣмъ. А мысли у ево человѣческіѣ.

Такъ бѣжитъ и самъ себѣ не знаетъ, куды и бѣжить. Забѣжалъ въ шестидесятной *волокъ*: Въ шестидесятномъ волоку маркидѣнъ живѣтъ. Маркидѣнъ увидалъ, што кобель *обрядной*, сталъ ему кусочки побросывать (хлѣба). Етотъ кобель и прижился.

А этимъ волокомъ проѣзжаютъ купечество ис Крѣму съ шолковымъ товаромъ. Приѣзжаютъ, сѣли чайничать тамъ прикѣтки и купцы. — „Што,—говорить:—хозяинъ, раньше,—говорить:—у тебя караулъ былъ около воевъ, а нынѣ нѣтъ?“ — „Какъ,—говорить:—нѣтъ? Вонъ,—говорить:—у меня кобель лѣжитъ на возу на заднемъ“. — „А што,—говорить:—твой кобель? Брось,—говорить:—хлѣба кусокъ, онъ побѣжитъ, а тутъ,—говорить:—што угодно понеси! У насъ одинъ *тюнь* (товару),—говорить:—стоить тысячи рублей“...

Ну, такъ у ихъ, слово за слово, колонѣли о закладѣ, што „мы лишаемся вотъ всево товару, што у кобеля да не унести чево-нибудь тамъ ис товару“. — „Ну, а маркидѣнъ говоритъ: „я,—говорить:—лишаюся всево своего имущества, што мой кобель ничево не дасъ“. — Такъ положили залогъ по триста рублей.

Одинъ прикѣтикъ вѣискался и пошолъ, и хотѣлъ, значить, што-нибудь унести изъ вóзу. Кобель гóлосу не отдалъ; какъ сгрѣбъ етова прикѣтика, и повалилъ подъ себя. Грысь-то ево не грызѣтъ, а не отпускаетъ.

Потомъ ето купечество: „Ахъ,—говорить:—какъ для торговли ета собака оченно хороша,—говорить:—будетъ!“—

Ну, стали торговать етова кобеля. А маркиданъ хотѣлъ цѣной отбицца: запросилъ полторы тысячи. Купечество выбросили денежки; стали лошадей запрягать; и кобель сталъ радовачья этимъ прикѣтчикамъ.

4. Прѣзжаютъ въ Нѣжно на Желтоводскую ярманку и дерьгають воза на *протуарты*. Жюлики увидѣли, што караулу нѣтъ, подѣзжаютъ окрасить. Етотъ кобель не *брѣшилъ*, не што, сгрѣбъ етова жюлика за шиворотокъ, не грызѣтъ, не што ево, а протчіе жулики прямо въ полицу, што „вотъ такихъ - то купечествовъ кобель челоуѣка загрызъ“.—Полица збираѣтца, вызываетъ купечество: „*Мотри*-ко, вашъ кобель, — говоритъ: челоуѣка загрызъ“.—„Нѣтъ, онъ, — говоритъ: — не загрызъ, а онъ [челоуѣкъ] хотѣлъ, — говоритъ: насъ окрасъ“.

Ну, такъ *слыхи* пошли ёдакіе по всему Нѣжному.

5. У Нижегородскаго губернатора—сколько ево *хозяйка мальчиковъ* приносила—ис перъвой бани неизвѣсно куды и дѣнетца *мальчикъ*. Губернаторъ приходитъ къ етимъ купцамъ и проздравляетъ ихъ съ прибытіемъ и съ торговлей. Купечество думаетъ: „што такое? Раньше не бывалъ губернаторъ некогда, а тутъ прибылъ губернаторъ, проздравляетъ съ прибытіемъ и съ торговлей?“

И смотритъ губернаторъ товары. Взялъ, для испытанія, носовой платочикъ засунулъ за ошлѣкъ; ну, такъ и пошолъ изъ лафъки. Етотъ кобель какъ соскочилъ, губернатора поймалъ за подолъ. Губернаторъ такъ съ яросью на купечества: „Што такое?! не есь ли простонародіе, смотри-ко, меня, и то поймалъ кобель за подолъ!“ — „Да, извините, — говоритъ:—Ваше Превосходительство, товары смотрѣли, — говоритъ:—наши, не прильнула ли, — говоритъ:—наша ниточка отъ товаровъ къ одеждѣ?“ — „Ну такъ, — говоритъ:—виноватъ я. Какъ *слыхи* идутъ про вашова кобеля, такъ я вотъ засунулъ платочикъ носовой за ошлѣкъ. Ну, испыталъ вашова кобеля. Прадайте мнѣ етова кобеля!“

Ну такъ, купечество потолковали.—„Стой, — говоритъ:—мы отобѣемя цѣной“.—Запросили полтара мильона. Губернаторъ: „ступайте за росчѣтомъ!“

Кобель сталъ губернатору радовачья, талъ переднимъ лапамъ на губернатора скакать съ радосью. Губернаторъ сталъ етова кобеля такъ наблюдать.

6. Потомъ здѣлалась у ево хозяйка берѣменна. Такъ время пришло *мальчика* родить. Такъ бабки-фрейлины ушли съ губернаторшой въ баню, и кобель за нимъ. Такъ родила мальчика. Бабки-фрейлины уморились, уснули крепкимъ сномъ. Потомъ негдѣ взялася птица; такъ летѣтъ эта птица — съ *пылу* двери растворились. Какъ згребла етова мальчика въ когти и понесла. А етотъ кобель схватался за ету за птицу, сталъ её перья сшипать, потомъ сталъ мясо грызти. Эта птица ис терпѣнья вышла, садится на землю, отпускаетъ етова мальчика изъ когтей. А кобель лёк, етова мальчика взялъ на свои лапы полóжилъ и закрылъ своею длинною шерсю.

Такъ бабки-фрейлины пробудились: мальчика нѣтъ; являютца къ губернатору, што такъ: „родила благополúшно, а мальчика не стало и кобеля не стало. Такъ, — говорятъ, што:—едва ле не кобель утасшылъ“.

Губернаторъ садится на своево жеребца верьхомъ поѣхать разыскивать. Выѣзжаетъ за городъ; увидаль, значитъ, перья, увидалъ крофъ. Ёдетъ губернаторъ, а кобель лежитъ за канáфкой. Губернаторъ думаетъ своимъ мыслямъ: „соскочу, кобелю голову ссѣку!“—Кобель поднялъ голову, взвылъ громкимъ голосомъ. Мальчикъ взревѣлъ.

Губернаторъ возрáдовался; берётъ етова мальчика, завертывать въ по́лы и садится верьхомъ. Привозитъ, здѣлалъ кресѣтины.

7. На кресѣтины позвалъ купечество, позвалъ помѣшшыкоф; на радостяхъ на етомъ балу помѣшшыкъ съ помѣшшыкомъ завелъ разговоръ, што „я имѣю триста медвѣдѣвъ—охóту“. — „А я имѣю,—говоритъ:—триста собакъ; мои собаки,—говоритъ:—загрызутъ медвѣдя“. — Ну, такъ розговариваютъ и завелъ будто какъ споръ: „не можетъ быть,—говоритъ:—штобы медвѣдя загрызли собаки!“

А губернаторъ улыбнулся, што „ваши 300 собакъ не стóять мойей одной!“—Такъ. Помѣшшыкъ: „какъ ето такъ, што 300 собакъ не стóять ево одной собаки? Ваше Прѣвосходительство, ровно какъ вы канфúс навóдите на меня?“

Ну, такъ. Губернаторъ завелъ съ помѣшшыкомъ разговоръ:—„Ко́гда доро́гъ твой кобель, у меня есь лисица въ лѣсу. Ну, если твой кобель мою лисицу поймаетъ, такъ я лишаюся всево своево имущества, остаюсь въ одномъ сер-

тукъ“. — А губернаторъ говоритъ: „мой кобель въ лѣсу не сродѣнъ“. — „А гдѣ бы онъ могъ поймать?“ — „Можетъ онъ поймать на чистомъ полѣ“.

Другіе сутки таѣтъ утромъ и поѣхали на эту охоту. Помѣшныкъ своимъ собакамъ выгналъ эту лисицу изъ лѣсу. А кобель съ губернаторомъ — какъ увидѣлъ на чистомъ полѣ, какъ набѣгаетъ на лисицу, — лисица зверѣнула кверху ногамъ, хотѣла етова кобеля обманути. Етотъ кобель тутъ прямо и накрылъ на неѣ: згрѣп еѣ зубами, прижалъ лапамъ.

Етотъ помѣшныкъ въ горѣ; какъ надѣзжаетъ, хотѣлъ етому кобелю голову снести саблей. А губернаторъ выдернулъ саблю: „Если кобелю снесешь голову, то я и тебѣ снесу!“ — Такъ етотъ помѣшныкъ и остался въ одномъ сертукѣ. А губернаторъ получилъ помѣшныцкое, што есь, имущество.

А такъ губернаторъ, на радостяхъ, наложилъ на своево кобеля золотѣе ожерелье; и сталъ етова кобеля кормить — што съ какихъ самъ употребляетъ пищу, то и кобель.

8. И жись хороша кобелю, а мысли все человѣческіе: „все жо не человѣкомъ зовутъ, а все кобелѣмъ“. — Такъ, обдумавши самъ себя, кобель: „Што, не смилосѣрдитца ли моя тѣшша и жена? прибуду я къ имѣ: не здѣлаютъ ли меня такимъ жо человѣкомъ, какъ и раньше?“ — И лѣк на солому на *оммѣтъ* во своей *дворинѣ*.

Ево жена вышла, увидала: на дворѣ ровно жаръ горитъ, отъ ожерелья. — „Мамонька, у насъ што, — говоритъ: — на дворѣ дѣлаетца — ровно жаръ горитъ?“ — Такъ она, какъ вѣдѣма, догадалася, што „неужто мой зять да прибылъ?“ — Ударила тростью о землю: „Не быть тебѣ кобелѣмъ, быть тебѣ такимъ жо молодцомъ!“ — Здѣлался такой жо, какъ и раньше былъ.

9. Тѣшша и говоритъ ему: „што, будешь ли въ *согласѣ* съ моею дочерью жить? будешь ли мою дочь любить?“ — Зять ей отвѣчаетъ: „Охъ, старуха, старуха, не бросилась ты худыхъ мыслей! Твое ли дѣло въ нашемъ житьѣ указывать?“ — Въ словахъ съ яростью одинъ другому стали говорить. Ета старуха *зѣрѣла*; такъ какъ вѣдѣма: „не быть жо тебѣ добрымъ молодцомъ, а быть тебѣ летучимъ воробѣмъ!“ — Взвился и полетѣлъ воробѣмъ.

10. Такъ у ево мысли человѣческіе: „тану я птїчѣкъ корѣмити у богáтой богáтины; не прósьтитъ ли меня Господи? не здѣлаеть ли меня такимъ жо опеть человѣкомъ?“ — Сталъ къ богатой богáтинѣ летать въ ригу, сталъ бросать снопы; стали питатьца птички съ етова жїта. А ета богата богатина заходитъ въ ригу, увидалъ: снопы разбрóсаны. И такъ, у ево четыре сына, а онъ былъ тожо вѣдѣма. Такъ сыновьямъ своимъ говоритъ: „Гришка, Мишка, Пашка, Яшка, ступайте, обмазываютъ ригу!“ — Ну, Гришка, Мишка, Пашка, Яшка обмазали ригу, оставили дыру, такъ штобы только шапка проходила.

Эта богата богатина караулитъ ночь въ ригѣ. Вотъ какъ ночь сейчасъ подходитъ, этихъ птицъ сейчасъ налетѣло—Господи, страсъ Господня! Етотъ воробей бросаетъ снопы. Потомъ заткнулъ дыру этотъ богата богатина.

Приходитъ домой, своимъ сыновьямъ и говоритъ: „Гришка, Мишка, Пашка, Яшка! берите мѣшки, пойдѣмъ воробѣевъ ловить!“ — А етотъ воробей, какъ воробѣевъ приловили, прильнулъ ко крышѣ. А етотъ старикъ—вѣдѣма, знаетъ, што тово воробѣя нѣтъ.

Взяли мѣтлы, стали крышу омметать. Етотъ воробей—некуды дѣтця — сжалъ свои крѣпышки и упалъ на мекїну. Такъ и притворился неживымъ.

Малой сынъ Яшка етова воробѣя нашолъ и говоритъ своему отчю: „батюшка, вотъ воробѣй, да не живой!“ — Старикъ говоритъ: „етова мнѣ и надо!“

11. Старикъ ударилъ тростью о зѣмлю, што „не быть тебѣ воробѣемъ, а быть тебѣ такимъ жо молодцомъ!“ — Далъ ему трось: „На жо тебѣ трось: штó твоя жена, што твоя тѣшша—штó не стануть дѣлать, ты только етой тростью зѣмлю тычь! Ну, если не смилосердитца жена твоя и тѣшша, тогда ударь по зѣмль тростью и говори, што „не быть тебѣ молодїцей, а быть тебѣ сивой кобылицей!“...

12. Здѣлалась кобылица. Поймалъ онъ её на узду и повѣлъ къ етому старику. — „Ступай, вонъ у меня камень мельнишной привезѣнъ, запрегї её, свою жену, потудá вѣзди съ камнемъ, покуда тѣшша не смилосердитца!“

Тѣшша смилосердилась, стала у зятя въ ногахъ кланятца, што „отнїнь до вѣку ничево надъ тобой не здѣлаю!“

А етотъ богачъ былъ птицей-то (эта-жо старуха ево перевернула птицей-то); онъ и носилъ у губернатора дѣтокъ. Какъ етотъ кобель погрызъ етова старика, высосалъ у ево кровь, — и сдѣлался етотъ старикъ человѣкомъ.

Ну, и понынѣ живутъ тотъ и другой преспокойно.

40. [Солдаты и черти].

1. Прежде, видишь, 20-лѣтняя была служба, 25 лѣтъ. Какъ отслужить свою службу салдаты, дадутъ ему пашпортъ — и ступай на свою родину. Прежде вѣдь пароходовъ етихъ нѣ было.

Идѣтъ салдаты такъ; въ слободу входятъ. Застигаѣтъ ево тѣмная ночь. Прѣсица ночевать, — нехто ево не пускаѣтъ. Идѣтъ сиротка, живѣтъ въ келѣйкѣ: „Пойдѣмъ, служивой, я сохраню отъ тѣмной ночи тебя!“

Приходитъ въ келѣйку. Эта сиротка покормила ево обѣдомъ, усала постелю для нево.

А въ етой слободѣ богатая богатыня. Ну, салдаты такъ, какъ служилъ 25 лѣтъ, но не видалъ негдѣ — не у господъ, не у купечества едакова строенья: устроены домъ и очень сукашенъ. — „Што, 25 лѣтъ отслужилъ я, не видалъ едако сокращенья! Хто жо у васъ, хозяйюшка, — говоритъ: — проживаетъ *этта*? купецъ али помѣшшыкъ?“ — „Нѣтъ, — говоритъ: — кресьянинъ, только большой капиталъ имѣтъ“. — „25 лѣтъ я прослужилъ, не видалъ — по всей нашей державѣ нѣтъ едакова сукашенъ“. — „А хорошо, — говоритъ: — сукашенъ, служивой, у ево, только жить, — говоритъ: — нельзя“. — „А почему такъ?“ — „А нечистой духъ, — говоритъ: — пущонъ въ домъ“. — „Што жо, — говоритъ: — нечистой духъ разѣ невозможно выжить?“ — „О, — говоритъ: — служивой, три дохтура находились и расписывались своей жизнью, — говоритъ: — штобы не искаться въ ей, а богачъ, — говоритъ: — расписывается половиной количества изо всево имущества“.

Етотъ солдатъ говоритъ: „Ето не можетъ быть, што нечистому духу даться крещеному человѣку!“ — „Нѣтъ, —